

7. Hocks R. A. Henry James: A Study of the Short Fiction. – Boston :Twayne Publishers, 1990. – 193 p.
8. W. D. Howells as Critic / Ed. by E. H. Cady. –London : Boston, 1973. – 254 p.
9. Laurence D. H., Edel L., Rambeau J. A Bibliography of Henry James. –Oxford : Clarendon Press, 1982. – 367 p.

Summary. This paper deals with a method of artistic originality of H. James, which characterizes the early stage of his work. It is also admitted a reproduction of the internal life in all its complexity, diversity and enigma. «Daisy Miller» was the first work James published which brought about a greater recognition of his witty writing style and narrator obstructed character development. The novella was the closest to instant success which James enjoyed during his lifetime although at one point he joked to Macmillan that his essays would be “the beginning of my appearance before the British Public as the novelist of the future, destined to extract a colossal fortune.” His style in the early years, especially, was almost Dickensian. It was casual and ironic, almost comical. His characters before Daisy Miller tended to be obvious symbolic representations which were slightly too predictable and superficial. However, Daisy transcended this problem of James, holding symbolic significance but also having a life and substance.

The idea of subtext is a metaphor for the manner in which the European-American social circle in Europe misunderstands the true character of Daisy Miller. She is innocent and uncultured and incautious but the circle sees only the surface of her character and the actions that character takes. They imagine a member of their social circle, thus someone with the experience and knowledge to understand and exaggerate the mores and codes of the European culture, acting in the way that Daisy Miller does. They do not take the time to look beneath this pretense to find that she is naturally innocent, acting on impulse instead of caution and convention. She rebels not by having a great knowledge of the rules which bind the society and consciously deciding to throw them out the window, but by being limited in her scope of experience and by refusing to change her natural ways in order to please a culture to which she does not belong. She oversteps even these bounds but not in the manner for which she will be ridiculed and rejected by her compatriots. The great theme of the disparity between reality and appearance is at its greatest strength in the relationship between Winterbourne and Daisy because of the conflict which roars inside of Winterbourne regarding the appearance he cannot overcome and the reality he cannot accept. Thus James explores the type of an American girl who is innocent of the knowledge of evil and immorality. However, she is immersed in an environment of an elusive evil, concentrated in Rome and symbolized mainly in the dark foreshadowing of Daisy's ruin in the shadowed cavernous scene of the Colosseum.

Keywords: realism, «moral interest», «central consciousness» point of view, psychological analysis.

Отримано: 16.08.2014 р.

УДК 821.131.1-31 «20/21»:82'01

Семенец О.С.

ПОПУЛЯРИЗАЦІЯ САКРАЛЬНИХ МИСТЕРІЙ СМЕРТІ В РОМАНЕ БЕРНАРА ВЕРБЕРА «ТАНАТОНАВТИ»

У статті розглянуто роман Б. Вербера «Танатонавти» з точки зору реалізації авторської стратегії, спрямованої на подолання споконвічного страху людини перед смертю. Аналіз твору доводить, що популяризація і тиражування сакральних знань маскують хорористичні настрої суспільства, а також долають страх індивіда перед актуальним сьогодні питанням життя після смерті.

Ключові слова: Франція, Бернар Вербер, «Танатонавти», містерія смерті, популяризація, реценція.

На рубежі ХХ-ХХІ століть в суспільстві спостерігаються тектонічні зміщення в міроструктурюючих процесах. Епоха стрімкої глобалізації, «отехнічавання» всіх сфер життєдіяльності людини, і, відповідно, переходу до техноцентризму привело до руйнування моральних, культурних, соціальних, релігійних інституцій, які виживали тисячоліттями. Переосмислення життя і пошук нових орієнтирів в конструюванні картини світу сучасного індивідуума стає предметом різноманітних філософських, культуро-

логических, религиозных, социологических и антропологических изысканий. Не остаётся в стороне и литература, которая с глубокой древности активно реагировала на существующую действительность. Сегодня, как и во все времена, литература является тем медиатором, который позволяет выявить проблемы, существующие в обществе при столкновении человека с окружающей действительностью и нащупать возможные пути решения этих конфликтов.

Процессы переакцентуации и поиска новых оптик для анализа художественных текстов наблюдаются и в развитии современного литературоведения. В современных исследованиях акценты смещаются с автора и текста на читателя как полноценного участника акта реализации литературного произведения. Рецептивная эстетика Х. Яussa и В. Изера, рецептивная критика С. Фиша, теория актуализированного чтения У. Эко и И. Ситтона, коммуникативный аспект изучения текста, предложенный М. Бахтиным в его теории «диалога культур» и продолженный многими литературоведами конца XX – начала XXI веков, – это лишь вершина айсберга литературоведческих концепций, которые отображают существенную переакцентуацию литературной критики рубежа веков. Использование актуальных методик в исследовании современных популярных текстов позволит под новым углом зрения взглянуть на литературный поток рубежа XX–XXI веков, и, учитывая большой читательский запрос на произведения подобной тематики, выявить круг проблем, тревожащих общество на пороге нового тысячелетия. Стремление писателей адаптировать стремительные трансформационные цивилизационные процессы к хоррористическому мироощущению индивида свидетельствует о извечном желании человека справиться с обуревающими его страхами и найти свое место в молниеносно изменяющемся мире.

В этом ключе наш исследовательский интерес привлекло творчество современного французского прозаика Бернара Вербера (1961 г.р.). Неугасающая популярность этого писателя, единственного художника слова, обладающего премией Жуль Верна, свидетельствует о том, что проблемы, поднимаемые им, волнуют сегодняшнего читателя и отражают общие настроения общества. Не смотря на то, что романы Б. Вербера переведены более чем на тридцать языков мира и выходят многомиллионными тиражами, до сих пор его творчество на просторах отечественного литературоведения не стало предметом специальных исследований, что по нашему мнению продиктовано пренебрежительным отношением к продукту творчества предшественников массовой литературы. Однако уже Л.Д. Гудков указывает на то, что невозможно игнорировать «97% литературного потока, то, что читает подавляющее большинство людей» [3, 80].

В этой статье анализируется роман Б. Вербера «Танатонавты» с точки зрения непрерывного коммуникативного акта, в котором автор, являющийся реципиентом множества художественных тестов-сообщений предшествующих поколений, одновременно предстаёт и субъектом активной рецепции, порождающим текст, следовательно, адресантом нового сообщения.

Любое художественное произведение, рассмотренное с точки зрения читательской рецепции исходных пресуппозиций адресанта, позволяет обнаружить существующие зияния в картине мира индивидуума, очертить круг страхов и поиски путей их преодоления, актуальных для сегодняшнего социокультурного континуума.

Исследуемый роман Б. Вербера называется «Танатонавты» («*tanatos*» – смерть, «*nautis*» – мореплаватель). Название, как правило, является мощным паратекстуальным элементом любого произведения. В данном случае оно формирует определённый «горизонт ожидания» (Х. Яусс) читателя, возвещая о том, что центральной темой романа станет феномен смерти. Реципиент же, обладающий серьёзной «интертекстуальной компетенцией» (У. Эко), обратится к поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика», описывающей полумифическое путешествие аргонавтов во главе с Ясоном за золотым руном, чем существенно расширит горизонт своего читательского ожидания. Таким образом, согласно Х. Яуссу, «новый текст вызывает у читателя (слушателя) известный по прошлым текстам горизонт ожиданий и правила игры, которые могут затем варьироваться, корректироваться, сменяться или же только воспроизводиться» [7, 60].

Вопросы природы смерти и судьбы душ в потустороннем мире являются одними из самых древних. Интерес к ним не утихает на протяжении многих веков. С древнейших времён люди проникали в таинство смерти, дабы преодолеть страх перед ней. Архаические погребальные ритуалы, античные мистерии смерти, средневековая культура «*Ars Moriendi*» и прочие готовили человека к физической смерти, а учения о судьбе души в загробном мире были призваны помочь человеку преодолеть страх перед неизвестностью. Этому способствовала и постепенная демократизация загробного существования. Философия Нового времени, базирующаяся на открытиях науки и техники, формировала критическое отношение к раю и аду, что привело к распространению атеистических идей в XIX и особенно в XX веке [2]. К середине XX века усилиями науки и техники человек смог объяснить механизм смерти и частично проникнуть в ее глубины (исследования клинической смерти, холотропных состояний, трансгрессивных выходов за пределы сознания, пр.). Дальнейшие исследования стремятся «приручить смерть», продлить земное суще-

створення людини (борьба с неизлечимыми заболеваниями, искусственная кома, клонирование, крионика). Люди пытаются стать властителями своей жизни и смерти. Однако какими бы значительными не были достижения науки, человек пока не властен над смертью. На рубеже XX-XXI веков исследования в области танатологии становятся более масштабными. Но в настоящее время наряду с научно-техническими изысканиями в области физической смерти наблюдается и повышение интереса к проблемам потустороннего мира.

Именно эта тема и становится магистральной в романе, повествующем о событиях 2068 года. Двое друзей детства Рауль Разорбак и Мишель Пэнсон предпринимают отчаянную попытку раскрыть извечную тайну смерти, преодолев архаический страх перед нею, открыв, исследовав и описав «Континент Мёртвых» [1, 50]. Они изобретают целую науку – «танатонавтику» с соответствующим терминологическим аппаратом («танатонавт» – путешественник в загробный мир, «ракетоноситель» – агрегат, способный ввести человека в искусственную кому, для выхода из тела «эктоплазменной оболочки» (души), которая и совершает полет в иной мир, «танатодром» – место, откуда совершаются экспедиции и прочие).

Изначально эти «пионеры танатонавтики» ощущали себя избранными, которым дали возможность приобщиться к мистерии смерти, проникнуть в глубины ее сокровенных тайн. Анестезиолог по профессии Мишель описывает свою основную мотивацию при выборе будущей профессии врача, властителя чужих жизней и смертей, вспоминая, как впервые попал в больницу: «Все было упорядочено, как античная хореография. На замызганные койки санитары укладывали перебинтованные жертвоприношения. Юные жрицы их распаковывали и потом транспортировали в облицованные кафелем залы, где жрецы высшего ранга, коих можно было опознать по их квадратным хирургическим маскам и прозрачным перчаткам, совершали над ними пассы, будто вновь прибывшие оказались здесь, чтобы узнать судьбу у авгуров-прорицателей. <...>. Я тоже захотел стать белым жрецом» [1, 43]. Именно таким жрецом, мистагогом он и стал, помогая танатонавтам-испытателям совершить своё инициационное путешествие и вернуться из загробного мира уже просвещёнными.

Успехи танатонавтики привели к ее распространению и популярности в мире («Экспериментальная танатонавтика стала танатонавтикой массовой» [1, 439]). Когда Континент Мёртвых был открыт, исследован и описан, а каждый желающий мог совершить собственное путешествие в потусторонний мир и приобщиться к сакральным знаниям, смерть перестала быть тайной, ее перестали бояться и мистифицировать. Возникла целая индустрия смерти, а «крупнейшие компании развернули эктоплазменный маркетинг» [1, 450], с его танаторекламой, кармографами, прессой, танатократами (бюрократами преисподней) и спекуляцией с реинкарнацией душ. Все это привело к десакрализации смерти со всеми вытекающими последствиями: повышение уровня самоубийств, бездеятельность полиции (все равно на небесном суде виновным воздастся), фальсификация доброты и благих поступков, регрессивные процессы в обществе. Мишель и Рауль потеряли контроль над наукой, пионерами которой они были. Такое развитие танатонавтики обернулось в итоге против людей и привело к нивелированию социокультурных достижений всех предшествующих эпох. Живя в мире без зла, человек потерял цель существования, которая состоит в реализации себя («Противоречие – двигатель мысли» [1, 477]), за что и поплатился мировым катаклизмом. Души умерших Рауля, Мишеля и их соратников (Розы, Амандины, Вийан), представ перед судом архангелов, хоть они и являлись Великими Посвящёнными в тайные мистерии смерти, все же были осуждены за то, что «разгласили смысл жизни и погубили самое важное: любознательность, жажду познания, стремление идти вперед, к спасению» [1, 503], что «популяризировали смерть» [1, 503], ведь «каждый человек сам должен добраться до истины. Сакральные знания нельзя растиражировать» [1, 503], а «тайна должна остаться тайной, секрет – секретом» [1, 502].

Рассмотрим теперь этот текст как продукт активной рецепции Б. Вербером-читателем исходных пресуппозиций всех ранее существовавших текстов на сходную тематику. Как человек, включённый в определённый социокультурный контекст и обладающий собственным набором «идеологических пристрастий» (У. Эко), Б. Вербер имеет свои «социокультурные коды», отличные, – но не параллельные, – от «социокультурных кодов» исходного сообщения. При резонансе этих кодов адресат-реципиент проявляет «встречные инициативы», что порождает интерпретативные гипотезы, дающие жизнь новому тексту. Так, внушительная авторская интертекстуальная энциклопедия знаний, впитавшая в себя опыт религиозного и художественного осмысления феномена смерти всеми предшествующими поколениями, позволяет Б. Верберу создать собственное произведение. В нем в виде вставных внесюжетных конструкций представляется обобщённая панорама танатологического опыта древности, а фантастическая история будущего освоения Континента Мёртвых и последствия этого предприятия очерчивают круг проблем, связанных с процессами десакрализации смерти, которые наблюдаются в современном обществе.

В итоге автор «Танатонавтов» и его текст-сообщение, адресованное современному читателю, находящемуся с ним в одном социокультурном контексте, расширяют и моделируют горизонт ожидания будущих реципиентов, актуализируют проблемы современности и требуют его этико-эстетической рефлексии. По мнению Х. Яусса, «новое литературное произведение воспринимается и оценивается на фоне других художественных форм и в перспективе повседневного жизненного опыта. В этической области его общественная функция может быть равно зафиксирована рецептивно-эстетически – в модальности «вопроса – ответа», проблемы и разрешения, благодаря которым оно переходит в горизонт своего исторического воздействия» [7, 81].

В результате анализа произведения Б. Вербера «Танатонавты» с точки зрения авторской рецепции существующих танатологических текстов и реализации коммуникативного акта адресант (Б. Вербер) – сообщение (роман) – адресат (современный читатель) можем сделать следующие выводы:

Выбор тематики произведения обусловлен определённым социокультурным уровнем Б. Вербера и обнажает зияния в картине мира современного человечества, заново переосмысливающего роль технического прогресса и тотальной индустриализации в формировании новой модели мировосприятия.

Непривычная эстетическая форма романа (глобальная популяризация и десакрализация мистерии смерти, которая пока достаточно чужда среднестатистическому обывателю) разрушает горизонт ожидания возможного читателя и ставит его перед вопросом и проблемами, «решение которых не в силах предложить религиозная или государственно санкционированная мораль» [7, 82].

Повествуя о возможном ходе событий (речь в романе идёт о будущих научных достижениях), Б. Вербер приглашает читателя к сотворчеству, активной или пассивной рецепции, способной поменять горизонт исторического воздействия и сконструировать новую модель социокультурного кода современного общества.

Список использованных источников

1. Вербер Б. Танатонавты / Б. Вербер; [пер. с франц. и прим. И. В. Судакевича]. – М.: GELEOS Publishing House (Кэпитал Трейд Компани): РИПОЛ Классик, 2011. – 512 с.
2. Ганина Н.В. Эволюция представлений о загробном мире (Религиозно-мифологический аспект): дис. ... канд. культ. наук / Ганина Наталья Викторовна. – М., 2005. – 190 с.
3. Гудков Л. Д. Массовая литература как проблема: для кого? // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 78–91.
4. Изер В. Изменение функций литературы / Вольфганг Изер // Современная литературная теория. Антология / Сост., пер., прим. И. В. Кабановой. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 22-45.
5. Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов / В. Я. Петрухин. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 416 с.
6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Эко Умберто; Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2005. – 502 с.
7. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Ханс Роберт Яусс; Пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34-84.

Summary. In this article we studied the novel of a modern French writer Bernard Werber- “The Thanatonauts”. His creative work is deprived of interest of foreign and native literary critics because of prosaist’s orientation on different types of readers. Masterpiece analysis is performed from the point of view of author’s strategy realization in the novel directed on prevention of human being’s unbegun fear against death and searching for the ways of its prevention in time of swift development of science and technology, at the period of Christianity crisis.

Novel text is a product of B.Werber’s and author’s active reception of initial presuppositions of all before existed texts about the same theme. An author who is included in certain sociocultural context has his “sociocultural codes” that are different to the codes of initial reports. In case of their resonance addressor-recipient shows “counter initiatives” what creates interpretative hypothesis which give start for new text. There in the image of expletive out of story constructions view of thanatologic experience of antiquity is represented; fantastic story of opening-up of the Continent of deads outlines a number of problems connected with the processes of death desacralization which are observed in modern society.

As a result of this work an author can make the following conclusions:

– firstly, total popularization of sacred mysteries and printing out of sacral knowledge which are forecasted by the writer in already foreseen future conceal horroristic ideas of modern civilization that fears itself because all its achievements can be used for its destroying.

– secondly, making prognosis about the variants of eschatologic problems solving writer tends to overcome fear of society concerning the questions connected with life after death and soul destiny in

another world which nowadays are actual because of Christianity crisis and individual's postatheistic attitude to the world.

– thirdly, strategies used by the writer (combining of methods of elite literature and the one meant for ordinary readers) destroy the line of reader's expectation of his audience and invite him for cooperation, active and passive reception able to change the space of historic influence and to create a new model of sociocultural code of modern society.

Key words: *France, Bernard Werber; death mystery; popularization; reception.*

Отримано: 23.07.2014 р.

УДК 82.091

Силантьева В.И.

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ «ШЕКСПИРИАНА»: XX ВЕК (МЕЖВИДОВАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА)

Стаття присвячена проблемі художнього оформлення твору, яке не спотворює і не профанує літературний текст. Предметом вивчення стали ілюстрації до трагедій Уільяма Шекспіра («Гамлет», «Ромео і Джульєтта»), Джона Еверетта Мілле, Дементія Шмарінова, Савви Бродського. У дослідженні представлена історія розвитку новітньої школи книжної графіки ХХ століття.

Ключові слова: *графіка, ілюстрація, Шекспір, художня школа, «фактор модерну».*

Предлагается фрагмент еще не изданной монографии д.ф.н., профессора В.И. Силантьевой «Литература и живопись в контексте компаративистики». Тема избрана не случайно: в юбилейном 2014 году весь мир отмечает 450-летие со Дня рождения великого драматурга У. Шекспира.

Книжная иллюстрация эпохи становления модерна:

С.П. Дягилев, А.Н. Бенуа, Дж. Э. Милле

Главная особенность хорошей иллюстрации состоит в образном отражении художественного текста средствами, близкими тем, которые использовал литератор. Сочетание графического оформления и слова делает книгу эстетически более выразительной и повышает ее эмоциональный ценз. Художник-оформитель, двигаясь «вослед» литератору, может проявить свое авторское «я» и во многих случаях это не будет своеволием. Диалогическая суть истинно художественного произведения распространяется и на диалог автора произведения с художником, который его иллюстрирует и дизайнерски оформляет. Об этом писал Б.Р. Виппер, формулируя основной закон оформительского (иллюстративного) дела: «Задача иллюстратора заключается не только в точном повторении текста, не только в превращении словесных образов в оптические, но также в стремлении создать заново те положения, настроения и эмоции, которые поэт не может дать...» [3, 39].

Системный и систематический анализ особенностей существования, эволюционирования и совершенствования книжной графики у нас фактически не проводится. Этим не занимаются литературоведы и только эпизодически – искусствоведы. Отсюда горькое признание современного исследователя: «В нашей литературоцентристской (...) стране, где пока еще стыдно быть неграмотным, написать текст о феномене книжной графики, т.е. самой очевидной части искусства книги (...) как минимум – безрассудный поступок. История русской литературы, если не считать одного средневекового памятника, практически началась в XIX веке; история книжной графики, в современном понимании слова, – к концу того же века» [15].

Понимая, что это действительно так, отметим наиболее важные моменты становления и утверждения теории иллюстративного дела. Ее теоретическое обоснование, исследователи, нужно искать в работах «мирискусников» первой трети XX века [5, 8]. Именно они – С.П. Дягилев, А.Н. Бенуа, К.А. Сомов, М.В. Добужинский, Е.Е. Лансере, Н.Э. Радлов и др., отстаивая идеи искусства Серебряного века, подошли к проблеме «культурности», сейчас бы мы сказали «общей культуры». Она, эта «общая культура», предполагала синтез искусств и универсальную эстетизацию не только отдельных произведений высокого значения и уникального звучания, но и предметов обихода, интерьеров, которые называли «убранством». «Мирискусники» были уверены: художник не должен делить искусство на высокое-элитарное (живопись, рисунок, скульптуру, архитектуру) и низкое-обыденное, связанное с утилитарными потребностями человека. Пусть прекрасное войдет в повседневную жизнь человека и окружает его в «большом пространстве».